

годаря этому сохранившейся), а также из сообщений арабских географов нам известны великодержавные установки государства Пржемысловцев во второй половине X в. Пророчество Мефодия прекрасно отвечает положению страны при Болеславе Благочестивом; ни в какой другой момент оно и не могло быть написано. Показательно, что этот мотив снова ожил во всей широте в легендах XIV в. — в «Diffundente» и «Tempore Michaelis». При Карле IV Прага стала императорской резиденцией, к этому государю, прямому потомку Пржемысловцев, подходили слова Мефодия Борживою: «dominus dominorum tuorum efficieris».

Роль Борживоя в труде Кристиана вполне объясняется положением в эпоху Болеслава II и, пожалуй, единственно им. Историю тогдашнего большого Чешского государства мы знаем только в общих чертах, пока что нелегко развитие агиографии от «Crescente» до Кристиана поставить в связь с поворотами в этой истории. Размеры державы Пржемысловцев в эпоху возникновения «Crescente» были столь же велики, а может быть и больше, чем в эпоху, когда писал свой труд Кристиан. Поэтому несколько поражает узость географического кругозора в легенде «Crescente»: место действия легенды заключено между Прагой и Регенсбургом, но есть упоминания о Риме и франках. Наоборот, перспектива Кристиана — общеевропейская: он в одинаковом тоне говорит о Западнофранцузском королевстве и Болгарском царстве. Главное же — воспринимает как нераздельное единство историю Чехии и Моравии, так что его труд — это действительно «Epilogus Moraviae atque Bohemiae», если говорить словами Козьмы.

В тогдашних социальных условиях большое значение имели церковная организация и церковная идеология. Важным шагом в деле укрепления владычества Пржемысловцев было основание Пражской епископской кафедры; наоборот, создание архиепископских кафедр Гнезненской и Остржигомской (Эстергомской) знаменовало собой конец чешских великодержавных притязаний. В X в. апогеем чешской экспансии было, очевидно, время правления честолюбивого второго епископа Пражского Войтеха. В ту эпоху делать большую политику без участия высшей иерархии было невозможно: епископы сплошь и рядом командовали войсками и — что еще важнее — создавали организационную сеть, заменявшую собой государственную администрацию; они же руководили идеологической борьбой. Легенда «Crescente» указывает, что традиционная зависимость Чехии от Баварии не была еще преодолена; также, например, пумизматы (В. Кац⁶ и другие) указывают, что образцом для первых чешских монет были монеты регенсбургские. Начиная с IX в. баварские епископы считали Чехию и всю среднюю Европу своим доменом, поэтому подчинение Пражского епископства Майнцу было важным поворотом к новой ориентации. Епископ Пассауский Пильгрим упорно боролся против нового курса, предъявляя баварские притязания на Дунайские области и в первую очередь на миссионерскую деятельность среди мадьяр. В этих условиях представители нового чешского епископства были вынуждены искать опору в истории. Пильгрим опирался на Зальцбургский епископат. Последний еще в 900 г., непосредственно перед падением Великоморавской державы, жаловался в Рим на стремления моравян отделиться в церковных вопросах. Естественно, что идеологи Пражского епископства решили в этих условиях опереться на наследие Великоморавского архиепископства. Отзвуки этих столкновений между Пассау и Прагой явственно различимы в труде Кристиана.

⁶ V. Katz. O chronologii denarů Boleslava I a Boleslava II. Praha, 1935.